

Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України
Одеський національний університет імені І.І. Мечникова
Кафедра історії стародавнього світу та середніх віків

LIBRA

**ЗБІРКА НАУКОВИХ ПРАЦЬ
КАФЕДРИ ІСТОРІЇ СТАРОДАВНЬОГО СВІТУ
ТА СЕРЕДНІХ ВІКІВ**

Випуск II

Одеса 2012

УДК 94(100) «01/17» (08)

ББК 63.3(0)3/51

Libra: Збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків / Під ред. І.В. Нємченко. – Вип. II. - Одеса, 2012. – 138 с.

У другому випуску збірки «Libra» представлено матеріали міжнародного круглого столу, присвяченого 100-річчю з дня народження Ірини Володимирівни Зав'ялової, який відбувся на історичному факультеті ОНУ імені І.І. Мечникова 25 листопада 2011 р.

Збірка містить публікації ad memoriam Римми Дмитрівни Бондар (1937 - 2011), доцента кафедри історії стародавнього світу та середніх віків.

У статтях співробітників та випускників кафедри висвітлено актуальні проблеми історії Візантії XI – XII ст., під новим кутом зору розглянуто наукову спадщину П.М. Біциллі.

Збірку підготовлено в межах наукової теми «Цивілізація Європи: історична еволюція доби античності, середніх віків та раннього модерного часу» (№ держреєстрації - 0106U012138)

Редактор

І.В. Нємченко

Технічний редактор

О.М. Луговий

Рецензенти:

Сорочан Сергій Борисович, д.і.н., професор, завідувач кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського національного університету імені Каразіна

Хмарський Вадим Михайлович, д.і.н., професор, завідувач кафедри історії України Одеського національного університету імені І.І. Мечникова

Рекомендовано до друку Вченою радою історичного факультету Одеського національного університету імені І.І. Мечникова

13 листопада 2012 р., протокол №4.

ISBN 978-966-96181-10-8

© Кафедра історії стародавнього світу
та середніх віків ОНУ імені І.І. Мечникова

коллеги по кафедре, получил ли я квартиру. Короткий разговор закончился грустной констатацией: «Стареем, батенька, стареем». Больше я ее не видел.

Завершить свои заметки я хочу проникновенными словами великого поэта, как будто написанными по адресу нашего незабвенного учителя и коллеги Ирины Владимировны Завьяловой:

Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колена...

*А.О. Добролюбский,
выпускник истфака 1971 г.*

МОЯ ЗАВЬЯЛОВА

Ирина Владимировна Завьялова была доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков. Она и преподавала у нас историю средних веков. Внешне она была строгой, чопорно-безупречной, красивой и изысканной ученой дамой. Завьялова питала ко мне слабость, потому что во время оно была влюблена в моего дедушку, профессора Константина Павловича Добролюбского, который в эпоху ее научной молодости был деканом исторического факультета и заведовал кафедрой всеобщей истории. Разумеется, не как в мужчину, а как в человека и ученого. А саму кафедру, где она работала в период моего студенчества и аспирантуры, возглавлял профессор Петр Осипович Карышковский, в которого я влюбился сразу, на первом курсе, едва он вошел в аудиторию. С тех пор прошло почти полвека. Я никогда в жизни ничего подобного не видывал. Это был не человек, а истинное произведение искусства. Причем, очевидный и общепризнанный шедевр. Мне жаль людей, которые не видели «эту Мону Лизу». Мне страшно повезло – именно эти люди и стали моими первыми учителями истории, самыми любимыми, и на всю жизнь.

Ирина Владимировна была великолепнейшим преподавателем. Обстоятельная, требовательная, чрезвычайно внимательная. Но ее характер было трудно выдержать. Строга и придирчива, очень квалифицирована. Часто утверждала, что все вокруг неграмотные, кроме Петра Осиповича. Ну, разве что, кроме еще нескольких человек. Завьялова очень высоко ценила и, можно сказать, восторженно обожала моего деда. «Вот это был человек! Не то, что сейчас». Правда, не забывала упоминать о его невыносимых тиранических замашках. Когда

она работала ассистенткой, Константин Павлович, будучи уже довольно больным, ходил к ней на занятия по источниковедению средних веков, слушал, а потом въедливо разбирал текст лекции: «Вот так говорить нельзя. Вы должны серьезнее относиться к материалу. Здесь источниковедчески не профундировано. Студенты не поймут. Вы сами плохо понимаете, что говорите». От него можно было сойти с ума. Дед всегда необычайно добротен относился к своему делу. Тому же учил своих выкормышей. Завьялова мне сама об этом рассказывала. Я помню, не мог сдать экзамен по новой истории Вадиму Сергеевичу Алексееву-Попову, который тоже был учеником деда. Он мне, конечно, поставил пять, потому что у нас была семейная дружба, и Вадим Сергеевич не хотел огорчать моих родителей. Но придирался ужасно, ругал, читал нотации. Я пытался защищаться: «Посмотрите на остальных, они все отвечают гораздо хуже». Алексеев-Попов отвечал: «Им можно так отвечать, а вам нельзя».

И я «поселился» на кафедре истории древнего мира и средних веков, Петр Осипович предложил мне остаться в университете. Разговор состоялся еще на третьем курсе. Я как-то зашел на кафедру, П.О. мне и говорит: «У нас Зинчук плохо себя чувствует. У него камень в почках, он все время о нем думает и мечтает уйти на пенсию. Вот мы можем тебя оставить ему на смену». Якова Петровича не отпускали, потому что некому было работать. Археологов на кафедре было достаточно, а специалистов по средним векам не хватало. А я знал языки. Короче, мне светило место. Карышковский посоветовал мне поработать с Завьяловой, написать у нее курсовую, а потом и диплом. Завьялова сказала: «Очень хорошо! Вот и поработайте, если вы знаете французский язык». Я признался, что не так уж его и знаю. «Ничего, есть хорошая тема, справитесь».

Французская историческая литература к нам не поступала и носила почти самиздатовский характер. Разве что, не считалась запрещенной. Причем даже такое не следовало хранить — «компетентные органы» этого не любили. Все что не было издано официально в Советском Союзе, считалось запрещенным. Даже порнография, хотя она никак не подрывала устои советской власти. Завьялова хотела, чтобы я «въехал» в проблематику по-настоящему, научился читать по-французски на языке XVII века. А заодно, чтобы мозги прочистил. Не исключено, на подсознательном уровне, она отыгрывалась на мне за то, что мой дедушка в свое время донимал ее своей педантичностью.

Ирина Владимировна издевалась надо мной довольно изощренно. Так, она мне велела подготовить тезисы доклада для рядовой студенческой конференции. Я показал ей текст перед выступлением. Она быстренько прочла и сказала, что более безграмотной работы не читала. Я

переписал. Завьялова посмотрела снова и сказала, что это еще хуже, чем было. Я переписал в третий раз. Завьялова морщилась: человек с моим культурным развитием не может допускать тавтологий и повторения одного и того же слова на одной странице. «Ну, куда это словоблудие годится? Вы хоть что-то соображаете? Это же совершенная невнятица! Повторяете одно и то же». С девятнадцатого раза она меня все-таки выпустила на трибуну. «Вы должны писать именно то и так, как вы думаете, а не комбинировать механистически чужие слова, мысли и выражения». До сих пор я бесконечно благодарен ей за такую выучку. Так и надо работать.

Научная особенность темы моей дипломной работы заключалась в том, что невозможно было заниматься западноевропейской медиевистикой, не зная материала, который публиковался на соответствующих языках. Иначе это просто профанация. Между тем, доступ к архивным документам средневековой Европы для советского студента-историка был практически невозможен. Как недостижима и мечта поехать во Францию и поработать там в архивах.

Но Завьялова меня выручила. Она была знакома со знаменитой в те времена другой ученой дамой - Александрой Дмитриевной Люблинской, которая работала в Ленинграде, в Институте истории. Занималась французским абсолютизмом эпохи Людовика XIII. Все прекрасно знают эту эпоху по «Трем мушкетерам». Люблинская издала неизвестные ранее документы, которые отражают внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию во Франции. Точнее, в Лангедоке, Дофине и Провансе. Документы на старофранцузском языке о том, чем занимались интенданты в этих французских провинциях. Заявлялова предложила мне писать диплом на эту тему. А также дала гору французских книг на французском же языке. В виде фотокопий — ксерокс в те времена массам не был доступен. Среди прочих книжек выделялся труд тогда еще не знаменитого историка-анналиста Эммануэля Леруа Ладюри «Крестьяне Лангедока». Тогда же я впервые узнал о школе «Анналов».

История этих документов примечательна. Они родом из архива канцлера Пьера Сегье. Сегье был главным налоговиком Франции при Мазарини. Все донесения интендантов об обстановке в провинциях стекались к нему. Это тридцатые, сороковые годы семнадцатого века, перед Фрондой. Мне поручалось изучить обстановку, которая привела к возникновению Фронды 1648 года, откуда взялась «Фронда принцев», «Фронда нищих»... Этим профессионально занимались всего два человека в Советском Союзе. Первым был профессор Поршнев, который потом отвлекся на палеолит. Им издана еще в 1940-е годы огромная книга: «Народные восстания во Франции перед Фрондой». Вторым оказалась профессор Люблинская. Они оба были превосходными специалистами, но

научными конкурентами, и потому терпеть друг друга не могли. Люблинская публично говорила, что Поршневу не знает языка, и документы неправильно им переведены. Тот, со своей стороны, утверждал, что она сама не больно грамотная. Такие отвратительные, но достаточно распространенные отношения – не редкость в научной среде.

Архив канцлера Сегье хранился в Бастилии. Через сто пятьдесят лет крепость была взята народом в ходе Великой французской революции. Этот самый народ все документы вышвырнул на улицу. Мимо проезжал в карете тогдашний русский посол во Франции Петр Дубровский. Увидел это дело, выскочил и стал собирать бумаги прямо на площади. Ему не мешали, потому что бумаги никого больше не интересовали. Дубровский собрал, сколько мог, погрузил в карету и перевез архив в Петербург. Культурный, интеллигентный человек. В Питере эти документы стали едва ли не основой Императорской библиотеки, главным хранителем которой и был назначен Дубровский. Ныне эта библиотека носит имя Салтыкова-Щедрина. Документы там хранились и никого не интересовали еще примерно сто пятьдесят лет. Пока не появилась Люблинская и не взялась за это дело. Она опубликовала их частично. Вот это все мне и вручила Заявьялова со словами: «*Noblesse oblige!*».

Тогда, в конце 1960-х гг., о французской исторической школе «Анналов» в нашей стране никто толком и не ведал. Кроме Завьяловой. Была опубликована лишь одна книга Марка Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (1957), а работы нынешних патриархов-анналистов второго поколения на французском языке были совершенно недоступны. Но Завьялова ухитрилась раздобыть в «самиздатовском» варианте оба тома диссертации Э.Леруа Ладюри «Крестьяне Лангедока» (1966) и заставила меня их проштудировать. С той же исключительной тщательностью и придирчивостью.

В итоге, к окончанию университета у меня получился довольно качественный диплом. Он явно выделялся среди прочих дипломных работ тогдашнего исторического факультета....

... В дальнейшем мне не привелось с ней работать. Я поступил в аспирантуру по археологии к Петру Осиповичу. Как аспиранту, мне полагалась педагогическая практика. И мне было поручено читать курс истории средних веков студентам-вечерникам. Ирина Владимировна ходила на все мои лекции. И точно так же, как мой дедушка вел себя с ней, она дотошно и скрупулезно разбирала со мной каждую фразу, не жалея ни сил, ни времени. Именно она меня «выдрессировала» как преподавателя на всю оставшуюся жизнь.

И когда, двадцать лет спустя, я пришел к своей первой учительнице после докторской защиты, чтобы поблагодарить за выучку, она меня

обняла, расцеловала и чуть не заплакала от радости и гордости. Значит, она со мной мучилась не совсем даром.

Тогда же я начал преподавать в педагогическом университете историю европейского средневековья. Кроме того, мне было поручено разработать и читать курс «Введение в специальность историка». И я снова пошел за советом к Ирине Владимировне. И она меня научила делать это, прежде всего, на примере Франции, используя опыт историков-анналистов. Потому что лучшего опыта, по ее мнению, просто не имеется. И я обложился трудами историков-анналистов, которые стали вполне доступными – даже бывшие советские историки-медиевисты не могли устоять перед «чарами „Анналов”». Сейчас я точно знаю, что только благодаря Ирине Владимировне, убежденной прозелитке этой школы, мы с моей дочерью, ныне профессором Ю.А. Добролюбской, которая, кстати, тоже успела поучиться у самой Завьяловой, сумели написать учебник «Школа „Анналов”» - новая историческая наука».

Сказать, что я был в нее влюблен, было бы не точным. Скорее, это чувство можно назвать трепетным восхищением. Ее основные личностные качества я бы определил как суровую и бескомпромиссную интеллигентность.

Если судить с точки зрения моих нынешних представлений о профессиональных качествах ученого-историка, то Ирина Владимировна, наряду с Петром Осиповичем, была действительно блистательным специалистом высочайшего класса, «по гамбургскому счету». Ее источниковедческая и историографическая добротность, принципиальность и бескомпромиссность мне и сегодня кажутся исключительными. Как, впрочем, и большинство чисто человеческих достоинств, о которых я могу сейчас вспоминать лишь в превосходной степени.

Ирина Владимировна в своей научной выучке воплощала в себе те традиции одесской исторической школы медиевистов, которая была представлена Е.Н. Щепкиным и В.Э. Крусманом. Эти историки были учителями моего деда, К.П. Добролюбского. А Завьялова считала себя его ученицей. Совершенно ясно, что ее научное кредо формировалось и под непосредственным влиянием общения с такими незаурядными учеными-медиевистами, как О.Л. Вайнштейн, Н.Н. Розенталь и Н.Л. Рубинштейн. Ее мастерство и интуиция в диагностике и нюансировке историографических сюжетов были просто исключительными.

Поэтому ее уроки для меня незабываемы. И сегодня, вслед за Завьяловой, я заставляю своих аспирантов перерабатывать тексты статей и диссертаций десятки раз, тщательно выверяя точность, уместность, приемлемость и адекватность каждого слова и выражения.